

Иосиф КОБЗОН: В «совковости» было достаточно много хорошего

Кланяюсь великим тем годам

Кобзон — оригинал. Обычно артисты не уходят со сцены до тех пор, пока звучит голос. Он решил уйти в расцвете творческих сил. Обычно с артистом прощаются его слушатели и почитатели по собственному почину. Кобзон решил проститься со зрителями сам и приехать к ним чуть ли не на дом — в Грузию, Туркмению, Молдавию, во все бывшие пятнадцать республик бывшего Советского Союза. Сказал и сделал. Недавно завершилась первая часть его прощального тура. Наш корреспондент встретился с Иосифом Давыдовичем.

— Иосиф Давыдович, почему вдруг такое решение — уйти, расстаться со сценой, с почитателями, с искусством?

— Я решил уйти со сцены в день, когда мне исполнится 60 лет: 11 сентября 1997 года. Поверьте, для меня это очень серьезный момент, к которому я готовился 15 лет. С того самого вечера, когда меня пригласил на шестидесятилетие Юрий Владимирович Никулин. Тогда он очень скромно сказал в кругу своих близких и друзей, что с этого момента прекращает свою творческую деятельность на манеже. Ему говорили: с ума сошел, как цирк будет без тебя, как ты будешь без цирка. На что он отвечал: у меня много появилось планов, продиктованных жизнью и опытом, которые не совмещаются с активной работой на манеже. И он в самом деле ушел с манежа и за пятнадцать лет сделал очень многое — снимался в кино, работал на ТВ, построил цирк на Цветном бульваре. Для меня Никулин стал ориентиром. Нужно уходить вовремя. Я своего пика достиг и больше никого не удивлю, а эксплуатировать себя, свое имя не хочу. Материально я не нуждаюсь, а морально уже сыт.

— Начинаете новую жизнь?

— Да, я почувствовал, как скудно живу, друзей мало вижу, не бываю на премьерах, перестал брать с полки книги. Хочу побыть простым человеком, хочу пообщаться с детьми, с внуками, которых обязательно дождусь. Хочу пожить.

— Жизнь ваша была тяжелой?

— Скажем так — нелегкой. Отец оставил нас в 1943 году — познакомился в Москве, где лечился после контузии, с женщиной и женился на ней. Через три года мама вышла замуж за моего отца, у которого было двое сыновей. Нас, сыновей, стало пятеро, а позже родилась сестра. Детство мое совпало с войной, я иногда рассказываю своим детям, как мы учились в школе. Не снимая верхней одежды, чернила замерзали, мы их согревали в варежках. А потом была жизнь лучше, но не легче. После седьмого класса поступил в Горный техникум в Днепропетровске, призвали в армию, где я начал петь. Вернулся, сказал дома, что буду артистом, но эту идею все восприняли без энтузиазма. Пришлось пойти работать лаборантом, скопить денег на дорогу, поехать в Москву, где мне повезло — поступил сразу в Мерзляковское училище при Московской консерватории, в ГИТИС и в Институт им. Гнесиных. Остался в Гнесинке — там мне понравилась атмосфера. Поначалу жил в столице в коммуналке, которую вспоминаю с удо-

вольствием: мы жили в любви и согласии вопреки всем легендам о ссорах в коммунальных квартирах.

— Ваш идеал женщины?

— Моя мама. Что же касается жен, то у меня их было три. Основное условие — жена должна была находить общий язык с моей мамой. В первом браке, когда я был женат на артистке Веронике Кругловой, особых проблем не было — мама жила в Днепропетровске. К тому же времени, когда я женился на Людмиле Марковне Гурченко, мама, отец и сестра жили у меня в квартире на проспекте Мира, а я жил у Людмилы. Я очень переживал, потому что Людмила не хотела общаться с моими родителями, не находила с ними общего языка.

— Поэтому вы и расстались?

— Мы прожили всего три года, но я вспоминаю о них с огромной благодарностью за то, что она была в моей жизни. Я застал не самую лучшую пору ее жизни: не снималась в кино, не работала в театре. Артистам вообще сложно строить семейную жизнь... Моя третья и последняя жена — Нелли. Мама ее любила и всегда считала настоящей женой, матерью, хозяйкой. Когда я обижал Нелли, доставалось от мамы мне — она всегда была на стороне жены. Своей жене я посвящал много песен. Между прочим, в гастрольном туре она была со мной.

— А как складываются ваши отношения с детьми — Андреем и Натасей?

— С сыном у меня всегда были конфликты, жена его воспитывала, я перевоспитывал. Наташа — очень трогательный человек, ее любила моя мама. Когда она была маленькой, то на велосипеде объезжала в дачном поселке старушек, брала у них заказы — кому хлеб привезти, кому молоко, кому лекарства, а потом все покупала и развозила. У нас, молодых, было больше убежденности и патриотизма, нежели у нынешних молодых. Мои дети очень любят Москву, но они не патриоты, хотя и не собираются уезжать за границу. У них все, как это сейчас говорят, «совковое». А я считаю, что в «совке» было достаточно хорошего. Да и все хорошее, что есть у нас с женой, тоже дал «совок».

— Поэтому вы решили проститься со всем Советским Союзом?

— Да. В принципе нет места в СССР, где я бы не побывал в самые активные годы моей деятельности. Для меня очень важно поклониться всем тем святым местам, которые спасли нашу страну. Я хочу поклониться моей многострадальной родине, в которой не было межнациональных конфликтов. Украина — моя родина, в Узбекистане я был во время эвакуа-

Фото Бориса Долгих

ции, жил в узбекской семье, в Тбилиси началась моя творческая биография, в Майкопе я получил первое звание — «заслуженный артист», в Краснодаре стал почетным гражданином, учился в Краматорске и Днепропетровске. Брест, Севастополь, Минск — города-герои, которым я просто обязан поклониться.

— Закончилась первая часть тура, каковы впечатления?

— Мы дали концерты в 25 городах. Концерты были длительными. По 4 — 6 часов. Главное — мне удалось через общение с аудиторией выяснить, что, хотя политически Советский Союз распался, духовные связи народов остались теплыми, такими, какими были. Со мной выступали вместе очень хорошие коллективы — Московский государственный академический камерный хор (руководитель профессор Владимир Минин), академический оркестр русских народных инструментов Российского радио и телевидения (руководитель Николай Некрасов), Московский ансамбль песни и пляски МВД РФ (руководитель Виктор Елисеев). Мы выступали в театральных залах, во дворцах спорта. График был очень напряженный, по сути дела день — город. 240 человек переезжали очень быстро, очень быстро репетировали и выступали.

— Кто приходил на ваши концерты?

— Было очень много тех, кто многие годы слушал мои песни, любит их, ветеранов мы пускали на концерты бесплатно. Но было много молодых людей, и это приятно.

— Что запомнилось больше всего?

— Ну во-первых, морской бал в Севастополе. Я предложил Леониду Кучме, Виктору Черномыр-

дину и Юрию Лужкову провести такую акцию, и они согласились. Виктор Черномырдин и Леонид Кучма потом прислали приветственные телеграммы в связи с концертом для моряков российского и украинского черноморских флотов. В Доме рыбака мы накрыли столы, пригласили одинаковое количество российских и украинских моряков, дали концерт, хорошо поговорили. Моряки потом назвали это событие историческим и направили двум правительствам меморандум, в котором просили их не разъединять, заверили, что готовы объединиться и защищать славянские государства совместно. Мы были переполнены радостью от этого бала.

А вообще впечатление от концертов, от поездки такое, будто мы проводили Дни российской культуры. Потому что мало того что принимали нас хорошо, но потом были длительные разговоры о том, что нам дорого наше искусство, что мы остались родными людьми, что необходимо проводить такие встречи и дальше. В Прибалтике на мои концерты приходили не только русские. В Киеве во Дворце культуры «Украина» четырехэтажный зал был забит до отказа, среди слушателей был и президент Украины Леонид Кучма. Вместе с Дмитрием Гнатюком и Анатолием Соловьяненко мы исполнили песню «Украина-ненька». А в Минске я пел шлягер «Шумите, шумите» на белорусском языке. Консультантом по части произношения в свое время у меня был президент Белоруссии Александр Лукашенко. Говорят, благодаря ему у меня произношение стало безупречным. Очень меня растрогали подарки, которые мне преподносили: ковры, картины, альбом. Александр Григорьевич Лукашенко,

например, подарил голову зубра.

— Теперь сделаете музей подарков Иосифу Кобзону?

— Конечно, мне бы хотелось поступить, как Лужков, который после своего шестидесятилетия выставил подарки на аукцион, чтобы потом перечислить вырученные деньги на храм Христа Спасителя. Но я сделаю по-другому: отдам все своим детским домам, над которыми шефствую, думаю, детям от этого станет светлее жить.

— А какие-нибудь подарки своим слушателям вы сделаете?

— Я записал те сочинения, которые в моем исполнении не звучали ни разу. Это русская классика, старинные романсы, молитвы, арии из оперетт — совершенно другая музыка, которую я знаю и люблю и которую, быть может, не знают мои почитатели.

— А какие песни пользовались на гастрольях особым успехом?

— В Таллине, кажется, мне прислали записку с просьбой спеть комсомольские песни. В записке написали ехидно, что, дескать, может быть, их теперь петь нельзя... Но я спел. Моя жизнь связана с жизнью моего комсомольского поколения, я выступал с концертами на закладке Усть-Илимской, на пуске Братской и Красноярской, на закладке и пуске Зейской ГЭС. Это моя жизнь, и я был рад, что мои комсомольские песни пользовались и пользуются большим успехом у людей разных поколений.

— Иосиф Давыдович, а как вы относитесь к тому, что на телевидении артистам приходится платить за эфир? Как часто вы сами платите за свое появление на экране?

— Я никогда не платил. Я приходил в редакцию только тогда, когда меня приглашали. А чтобы просить: «Дайте эфир, запишите меня» — этого я никогда не допускал. Жалуются артисты, что платили Лики, Анжелики, Анастасии, из кого бы Крутой сделал «Песню года»? Ни из кого он бы ее не сделал. Я никогда не платил принципиально, достаточно того, что мне не платят на записках на ТВ и радио. Считается, что если пригласили, то оказали большую честь. Хотя во всем мире основной заработок артиста — это ТВ и пластинки. А мы лишены этого заработка да еще должны доплачивать! Не хочется — не плати редакторам, но я думаю, что это явление носит массовый характер. Кто развратил этих людей на телевидении? Мы, исполнители. Даем — берут. Несправедливо, конечно, что редактор, делающий из певца «звезду», получает так мало. Но это уже дело артиста, как заплатить редактору за его труд. Это другое дело, но, когда редактор вымогает, это ужасно, особенно страдают молодые исполнители, у которых нет возможности платить.

— Что нас ожидает 11 сентября?

— Расширенный концерт в Большом театре и в ГКЗ «Россия». Сюрприз уже подготовлен: мы вместе с Аллой Борисовной Пугачевой дуэтом споем песню, которую она специально для этого написала. А потом Кобзон уйдет со сцены, а Алла Пугачева начнет новый период в своем творчестве.

Виктория МОЛОДЦОВА.

Кобзон Иосиф

25.03.97